

Александр Сергеевич СЕНЦОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-6481-122X
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Волгоград)
профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Волгоградского
института управления (филиала РАНХиГС)
sentsov_1951@mail.ru

Владислава Владимировна ВОЛКОЛУПОВА,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)
аспирант
volkolupova.v@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПУБЛИЧНОМУ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КРИМИНОГЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ (ТРЕШ-СТРИМАМ)*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Криминогенная информация, информационно-телекоммуникационные сети, деструктивный контент, треш-стрим, уголовная ответственность, изменение законодательства, общественная опасность, преступление.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время все чаще выявляются случаи распространения в телекоммуникационных сетях информации криминогенного содержания. В статье представлены результаты научного исследования проблем, связанных с необходимостью усиления противодействия с использованием уголовно-правовых средств распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов. Рассматриваются также теоретические вопросы социальной обусловленности криминализации деструктивного поведения в формате треш-стримов. *Методы.* В ходе исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы методы индукции, дедукции, анализа и синтеза, системно-структурный метод, догматический метод. *Результаты.* Авторами сформулированы выводы о направлениях противодействия распространению в информационном пространстве деструктивного контента, в том числе законодательного характера. Обосновано предложение о внесении изменений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации путем включения в нее статьи 242.3, регламентирующей ответственность за организацию и (или) проведение треш-стримов, а равно иное в них участие лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость за аналогичные деяния. Представлена авторская редакция этой статьи, что повышает практическую значимость проведенного исследования. Предлагается также в целях обеспечения межотраслевого согласования нормативных предписаний внести изменения в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях повсеместной информатизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности нашего общества кардинально изменились и формы социальной коммуникации, обеспечивающей социализацию личности, особенно несовершеннолетних. Неотъемлемым атрибутом межличностных коммуникаций в жиз-

ни большинства граждан стало их пребывание в виртуальном интернет-пространстве, где наряду с позитивным контентом все чаще распространяется и крайне негативная криминогенная информация [1, с. 84]. Согласно результатам исследования поведения людей в цифровом мире «Digital 2023», опубликованным международными организациями «We Are Social» и «Hootsuite» среднестатисти-

* Статья представлена в редакцию для решения вопроса о возможности ее опубликования 31 июля 2024 г., одобрена к публикации 3 августа 2024 г., то есть до принятия Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», и не учитывает правовых реалий, сложившихся в связи с вступлением в силу названного нормативного правового акта.

Alexander S. SENTSOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-6481-122X
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminalistics at the Volgograd Institute of Management (branch of RANEPa)
sentsov_1951@mail.ru

Vladislava V. VOLKOLUPOVA,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
Postgraduate Student
volkolupova.v@yandex.ru

COUNTERING THE PUBLIC DISSEMINATION OF CRIMINAL INFORMATION (TRASH STREAMS)*

KEYWORDS. Criminogenic information, crime, information and telecommunication networks, destructive content, trash stream, criminal liability, changes in legislation, public outrage.

ANNOTATION. Introduction. Currently, cases of dissemination of information of criminogenic content in telecommunication networks are increasingly being identified. The article presents the results of a scientific study of problems related to the need to strengthen counteraction using criminal law means to the dissemination of destructive content in the information space in the form of trash streams. Theoretical issues of social determination of criminalization of destructive behavior in the format of trash streams are also considered. **Methods.** The study used the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality, which involves a complete and comprehensive study of phenomena, consideration of the connections and contradictions between them. In addition, the methods of induction, deduction, analysis and synthesis, the system-structural method, and the dogmatic method were used. **Results.** The authors formulated conclusions on the directions of counteraction to the dissemination of destructive content in the information space, including legislative ones. The paper substantiates the proposal to amend the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation by including Article 242.3, which regulates liability for organizing and (or) conducting trash streams, as well as other participation in them by a person subject to administrative punishment or having a criminal record for similar acts. The author's version of this article is presented, which increases the practical significance of the conducted research. It is also proposed to amend Article 13.15 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in order to ensure intersectoral coordination of regulatory requirements.

ческий россиянин за четыре года (с января 2019-го по январь 2023-го) стал проводить в Интернете на четверть больше времени. Этот показатель вырос почти на полтора часа – с 6 часов 29 минут до 7 часов 57 минут¹. Примерно половина этого времени тратится на социальные сети и коммуникационные приложения. Специалисты российской компании «Крибрум», занимающейся мониторингом Интернета, отмечают высокую распространенность в социальных медиа-ресурсах крайне негативной информации и различных виртуальных сообществ деструктивной направленности: «На сегодняшний день в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5 миллионов аккаунтов российских подростков (35% от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти»².

В последнее время в социальных сетях все большее распространение получают так называемые треш-стримы (от англ. trash – мусор, отбросы, сор; stream – поток). Это специфическая разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в рам-

ках которой потоковое вещание (видео и/или аудио) отправляет в информационное пространство негативный контент, предназначенный для потребления неопределенным и ничем не ограниченным кругом лиц. Среди пользователей социальных сетей понятие «треш-стрим» используется для сленгового обозначения ведения трансляций, распространяющих контент негативного характера на видеохостингах. Как правило, это проведение прямого эфира в социальных сетях, в рамках которого участники съемок выполняют различные задания, чаще всего за вознаграждение, получаемое от зрительской аудитории пользователей сети. Обычно в рамках эфира стример-ведущий напрямую вступает в контакт с неопределенным кругом лиц, являющихся зрителями. В трансляции предусматривается обратная связь, позволяющая получать от донаторов (от англ. donate – жертвовать), то есть дарителей, те или иные задания, так называемые челленджи (от англ. challenge – испытание, вызов), предварительно оплачиваемые по заранее установленной

* The article was submitted to the editors to decide on the possibility of its publication on July 31, 2024, approved for publication on August 3, 2024, that is, before the adoption of Federal Law № 218-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation», and does not take into account the legal realities that have arisen in connection with the entry into force of the said regulatory legal act.

¹ Саблин А. Интернет стремительно засасывает россиян вопреки мировому тренду на цифровой детокс // Новостной интернет-портал «78.ru». 20.07.2023 // URL: <https://78.ru/articles/2023-07-20/internet-stremitelno-zasasivaet-rossiyan-vopreki-mirovomu-trendu-na-cifrovoy-detoks>.

² Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. М.: Крибрум, 2019. С. 3.

цене. Участники треш-стрима выполняют данные челленджи, которые нередко сопряжены с совершением противоправных или явно аморальных действий (например грубые оскорбления, применение насилия в отношении другого человека, очевидное унижение его чести и достоинства и т.п.). В некоторых случаях полученные от зрителей задания стример-ведущий выполняет самостоятельно без приглашения в эфир других людей.

МЕТОДЫ

Методическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составили такие общенаучные и частнонаучные методы, как всеобщий диалектический метод научного познания, индукция, дедукция, анализ и синтез, системно-структурный метод, догматический метод и др. Использованные методы были необходимы для углубленного изучения проблем, относящихся к избранной теме, прежде всего для определения основных направлений усиления противодействия публичному распространению треш-стримов в информационном пространстве. Примененная авторами статьи методика позволила сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер противодействия общественно опасному поведению, проявляющемуся в проведении прямого эфира, сопряженного с распространением криминогенной информации в форме треш-стримов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

После очередного резонансного треш-стрима, во время которого произошла трагедия со смертельным исходом (стример под ником Reeflay, применив насилие, вывел в зимнее время девушку из квартиры на балкон, и она скончалась от переохлаждения), по инициативе широкой общественности (число просмотров записи этого стрима превысило 20 млн) сенаторы Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выступили с предложением о разработке законопроекта, направленного на усиление противодействия распространению криминогенной информации в виде треш-стримов путем установления уголовной ответственности за данные деяния.

Первоначально разработчики законопроекта предполагали решить проблему путем внесения изменений в действующий УК РФ: дополнить ст. 282 частью 3, закрепив в ней в качестве самостоятельного состава преступления умышленное совершение действий, направленных на унижение человеческого достоинства и сопряженных с применением физического насилия, а равно с угрозой его применения или выразившихся в издевательствах, мучениях, тяжких оскорблениях и иных видах общественно опасного поведения, умаляющего достоинство личности, если данные деяния были совершены с использованием сети

Интернет в режиме реального времени либо сопряжены с последующим распространением видеозаписи стрима с целью извлечения материальной и иной (наращивание популярности) выгоды. В санкции новой нормы (ч. 3 ст. 282 УК РФ) ее разработчики предлагали предусмотреть наказание в виде штрафа в размере от 300 до 600 тысяч рублей, принудительных работ на срок от двух до пяти лет либо лишения свободы на срок от трех до шести лет¹.

Такое законодательное решение, на наш взгляд, вряд ли можно признать бесспорным по следующим основаниям:

- во-первых, не вполне логично определен непосредственный объект данного преступления. С учетом включения ч. 3 в ст. 282, находящуюся в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», представляется очевидным, что в качестве основного непосредственного объекта данного состава преступления будут признаваться только такие общественные отношения, которые призваны обеспечивать установленный в ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации полный запрет на осуществление экстремистской деятельности. Однако деяния в виде треш-стримов направлены прежде всего на причинение ущерба общественной нравственности, представляющей собой совокупность моральных норм, которые исторически и культурно обусловлены и одобряются в настоящее время большинством населения (то есть это система внешних правил поведения, а равно идей, традиций, обычаев, предостережений о добре и зле, справедливости, долге, чести и достоинстве). Таким образом, у данных деяний основным непосредственным объектом посягательства чаще всего является именно общественная нравственность;

- во-вторых, некоторые из совершаемых стримерами общественно опасных деяний, трансляция которых проводится в рамках треш-стримов, уже давно криминализированы с образованием самостоятельных составов преступлений либо признаны административными правонарушениями. Речь идет о таких деяниях, как умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью той или иной степени тяжести (ст.ст. 111-118 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), клевета (ст. 128.1 УК РФ), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ), оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ) и др.

Вместе с тем, по нашему мнению, представляет интерес предложение о криминализации деяний рассматриваемого вида либо их финансирования с закреплением соответствующего самостоятельного состава преступления². Так, вполне логичной представляется позиция, согласно которой необходимо «привлечение к ответственности лиц, которые путем перечисления треш-стримерам денежных средств склоняют, поощряют их к со-

¹ В СФ выступили за введение внесудебной блокировки сайтов с треш-стримами // Российская газета: сайт. 21.02.2021 // URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svo-body.html> (дата обращения: 25.02.2024).

² Мисливская Г. Пушков: Надо открывать дела по треш-стримам без заявления потерпевшего // Российская газета: сайт. 19.02.2021 // URL: <https://rg.ru/2021/02/19/pushkov-nado-otkryvat-dela-po-tresh-strimam-bez-zaiavleniia-poterpevshego.html> (дата обращения: 25.02.2024).

вершению противоправных действий при проведении интернет-трансляций»¹.

Определение основания уголовной ответственности за конкретное общественно опасное поведение предполагает наличие социальной обусловленности криминализации такого деяния. В доктрине уголовного права справедливо обосновывается вывод о том, что результативность уголовного права определяется прежде всего наличием социально-правовых оснований для криминализации деяния [2, с. 64-65]. Кроме того, в науке есть мнение о том, что эффективность уголовно-правового запрета достигается лишь при условии, что он был криминологически обоснован и соответствовал критериям криминализации того или иного деяния [3, с. 3-6; 4, с. 28-33].

Впрочем, многие аспекты, касающиеся критериев, свидетельствующих о наличии (или отсутствии) социальной обусловленности уголовно-правовых запретов, на теоретическом уровне до сих пор остаются дискуссионными. Более того, даже к терминологии и базовым понятиям, обозначающим социальные и правовые основания для установления уголовно-правового запрета, у исследователей нет единообразного подхода [5]. Но, на наш взгляд, существующие в уголовно-правовой теории различные трактовки вряд ли значительно влияют на оценку сущностных признаков рассматриваемого понятия. С учетом положений, разработанных в общей теории права, логичнее всего применительно к установлению социальной обусловленности уголовно-правового запрета выделять в качестве самостоятельных критериев его основания и условия [6, с. 103-105].

Определяющим критерием для криминализации тех или иных деяний, осуществляющихся в форме трэш-стримов, является их общественная опасность [7, с. 102-103], заключающаяся в объективной способности виновно причинять существенный вред общественной нравственности или создавать реальную угрозу причинения такого вреда. В.И. Фирсов отмечает, что «в связи с признанием общественной опасности в качестве основания уголовно-правового запрета в литературе обращается внимание на такой аспект, как ее достаточность для криминализации»². В качестве одного из критериев обоснованности криминализации выделяется наличие в деянии такой степени общественной опасности, которая достигает уровня, характеризующего преступление как таковое [8; 9, с. 216].

Однако не все исследователи придают этому критерию самостоятельное значение. Среди них есть те, которые считают, что сам по себе такой количественный показатель, как типовая степень общественной опасности деяния, не может быть самостоятельным критерием и рассматриваться изолированно (в отрыве) от самой общественной опасности деяния. Согласно их позиции именно она в целом (и ее характер, и степень) составляет

единое общее основание криминализации деяния [10, с. 201]. Другие же, например Н.А. Лопашенко, в свою очередь, называют этот критерий принципом криминализации [7, с. 108].

Наконец, некоторые авторы научных работ полагают, «что степень опасности проявляется в пределах типовой опасности конкретного преступления. Для криминализации деяния значение имеет не опасность отдельно взятого, конкретного деяния, а именно ее типовая характеристика. Это обусловлено тем, что она выражает степень опасности в рамках определенной меры, вследствие чего она может быть типизирована, и, соответственно, регламентирована в законе. В нормативном акте невозможно отразить индивидуальные черты содеянного, и тем более опасность конкретной личности»³. При таком подходе типовая степень общественной опасности преступления является «мерилом» санкции соответствующей уголовно-правовой нормы.

Таким образом, с учетом изложенного выше можно выделить следующие критерии криминализации такого общественно опасного поведения, как трэш-стримы:

- 1) относительная (но не чрезмерная) распространенность общественно опасных деяний данного вида;
- 2) невозможность эффективной охраны соответствующих общественных отношений иными правовыми средствами (административно-правовыми, гражданско-правовыми);
- 3) позитивная оценка такой уголовно-правовой меры большинством населения;
- 4) оптимальное соотношение позитивных и негативных юридически значимых социальных последствий установления данного уголовно-правового запрета.

В целях обеспечения деятельности по нейтрализации и блокированию деструктивного поведения рассматриваемого нами вида 15 февраля 2024 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении был рассмотрен законопроект о противодействии публичному распространению трэш-стримов (далее – законопроект). В нем предлагается внести изменения в УК РФ, КоАП РФ и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые способствовали бы усилению противодействия публичному распространению трэш-стримерами в режиме прямой трансляции таких фото- и видеоматериалов, которые иллюстрируют реально совершаемые преступления. В частности, в качестве нового квалифицирующего признака в состав десяти наиболее распространенных преступлений против личности предлагается включить их «совершение с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»⁴.

¹ В Совфеде призвали наказывать за финансирование «трэш-стримов» // РИА «Новости»: сайт. 21.01.2021 // URL: <https://ria.ru/20210121/sovfed-1593978800.html> (дата обращения: 25.02.2024).

² Фирсов И.В. Незаконный оборот медицинской продукции: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 25.

³ Там же. С. 26.

⁴ Законопроект от 15.02.2024 № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части

ОБСУЖДЕНИЕ

Проведенное нами углубленное изучение законопроекта позволило сформулировать ряд выводов относительно его содержания. Отмечая безусловную необходимость усиления противодействия публичному распространению криминальной информации, в том числе в виде треш-стримов, а особенно в интернет-пространстве, мы не можем однозначно положительно оценить данный законопроект. На наш взгляд, он требует корректировки. Не прибегая к подробному анализу всех имеющихся в тексте законопроекта не вполне корректных формулировок, считаем целесообразным остановиться лишь на таких его положениях, которые являются наиболее уязвимыми и представляются далеко небесспорными.

Так, с учетом содержания используемого авторами законопроекта в диспозициях предложенных ими норм термина **«преступление с публичной демонстрацией»** (выделено нами – А.С., В.В.) остается неясным, как же будет квалифицировано совершенное лицом умышленное преступление, если это лицо в момент осуществления деяния не осознавало, что его действия снимаются на видеокамеру (например, на месте преступления были установлены стационарные камеры видеонаблюдения), а впоследствии сделанные записи оказались размещены третьими лицами в социальных сетях («Telegram», «ВКонтакте» и др.).

Представляется, что при отсутствии признаков соучастия (сговора между субъектом совершенного преступления и треш-стримером) само совершенное деяние будет квалифицировано по общей норме, а его последующая публичная демонстрация, осуществленная другим лицом, состава преступления не образует, поскольку в анализируемом законопроекте данные деяния сами по себе вообще не рассматриваются. И такой подход не вполне согласуется с вытекающим из принципа законности требованием определенности уголовного-правового запрета [11].

Можно отметить и то, что в законопроекте используется весьма аморфная формулировка «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией». Неопределенность содержания этого термина заключается в том, что в нем одновременно идет речь о двух разных деяниях – преступлении и публичной демонстрации. Но при такой конструкции остается неясным, во-первых, предполагает ли данный квалифицирующий признак (публичная демонстрация) его наличие только во время совершения основного преступления (то есть именно самого треш-стрима в форме прямого эфира), или же он будет иметь место и в тех случаях, когда публичная демонстрация осуществляется не в прямом эфире, а спустя какое-то время после совершения основного преступления? Во-вторых, предлагаемая авторами законопроекта формулировка не позволяет привлекать к уголовной ответственности за публичное распространение в информационном пространстве криминальной информации (в том числе и деструк-

тивного контента в виде треш-стримов, ранее уже размещенных в социальные сети) путем активного расширения аудитории зрителей (перенесения этой информации на другие сайты).

Кроме того, представляется, что при буквальном толковании текста предлагаемых в законопроекте нововведений уголовная ответственность будет усилена не только в случае совершения треш-стримером умышленного преступления, которое будет непосредственно сопровождаться его публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе и в Интернете (например путем осуществления общедоступной трансляции в прямом эфире). Это произойдет и во всех случаях совершения любого из десяти преступлений, закрепленные в статьях УК РФ составы которых законодатель предложил откорректировать, в условиях публичности, то есть в присутствии неопределенного круга лиц (хотя бы одного постороннего). Иными словами, если убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, похоти или истязание были совершены в присутствии хотя бы одного постороннего очевидца (а тем более нескольких посторонних лиц) и исполнитель осознавал данное обстоятельство, то буквальное толкование понятия «публичная демонстрация» не исключает вывода о том, что содеянное в таком случае должно будет квалифицироваться по предлагаемым авторами законопроекта нормам как «умышленное преступление с публичной демонстрацией» (например по п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111 УК РФ и т.п.).

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что внешнее проявление признаков демонстрируемого во время треш-стрима противоправного поведения нередко является лишь имитацией преступления, а в действительности участники действия старательно выполняют заранее подготовленные треш-стримером роли «преступника» и «жертвы». В таких случаях предлагаемые авторами законопроекта нормы тоже будут неприменимы, поскольку они предполагают наличие реально совершенного умышленного преступления.

Наконец, предлагаемые в законопроекте нововведения не позволяют дать однозначную правовую оценку действиям лиц, которые извне оказывают содействие проведению треш-стрима, например путем финансирования этой деятельности. Речь о денежных переводах, которые осуществляют зрители треш-стрима во время прямого эфира.

Как представляется, использованная в законопроекте конструкция правовых норм явно не согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в его постановлениях от 27 мая 2008 г. № 8-П/2008, от 25 апреля 2018 г. № 17-П/2018 и др. Согласно этой позиции «неоднозначность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противо-

усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»))» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 16.02.2024).

речие ... конституционным принципам»¹; «... требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования имеют особую значимость для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством»².

Завершая критический анализ некоторых положений рассмотренного в первом чтении на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 15 февраля 2024 г. законопроекта, можно отметить, что его содержание нуждается в корректировке, так как включение в УК РФ предлагаемых в нем норм в представленной редакции не способно в полной мере обеспечить на законодательном уровне достижение тех целей, которые заявлены авторами законопроекта в пояснительной записке, и это неизбежно породит новые правоприменительные проблемы.

Определение пределов криминализации новых видов общественно опасного поведения, сопряженного с распространением криминогенной информации, на наш взгляд, представляет собой весьма сложную межотраслевую проблему, решение которой требует комплексной научной проработки с участием не только представителей науки уголовного права и криминологии, но и государствоведов, социологов, психологов и специалистов в области информационного права.

В решении проблем усиления противодействия распространению криминогенной информации с использованием уголовно-правовых средств важно учитывать как минимум три социально значимых фактора. Во-первых, следует, безусловно, учесть неотъемлемое и гарантированное ст. 29 Конституции Российской Федерации право граждан на свободу мысли и слова, а также положения ст. 19 Всеобщей декларации прав человека о том, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», включающее в себя «свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу **искать, получать и распространять информацию** (выделено нами - А.С, В.В.) и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Во-вторых, в ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность ограничения свободы мысли и слова. Наконец, в-третьих, решение рассматриваемой проблемы предполагает не только разумный баланс двух первых факторов, но еще и учет весьма ограниченных возможностей применения в этих целях норм, образующих институты соучастия в преступлении, в том числе и для противодействия публичному распространению криминогенной информации в форме треш-стримов.

В связи с этим вполне логичным и заслуживающим внимания является высказываемое в доктрине уголовного права предложение об установле-

нии самостоятельной уголовной ответственности за организацию и (или) проведение содержащих деструктивный контент треш-стримов [12, 13, 14, 15]. Однако, несколько не оспаривая доводы, приведенные в научной литературе в обоснование социальной обусловленности криминализации таких деяний, как организация и проведение треш-стримов, пранков и т.п., мы полагаем, что с учетом реализации принципа экономии мер уголовно-правового характера более приемлемым для установления соответствующего уголовно-правового запрета является использование в нем административной преюдиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях более радикального совершенствования уголовно-правовых средств противодействия публичному распространению в социальных сетях, в том числе в интернет-пространстве, треш-стримов нами предлагается дополнить УК РФ новой статьей – 242.3, – которая включала бы в себя самостоятельные нормы (общую и квалифицированные), устанавливающие ответственность за организацию и (или) проведение и иное участие в треш-стримах в форме прямой трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженных с демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни и здоровью, ограничивающих свободу, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство человека и явно противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких действий. Предлагаем изложить ее в следующей редакции:

Статья 242.3. Организация и (или) проведение треш-стримов, а равно иное участие в них, лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость

1. Организация и (или) проведение, а равно иное участие в треш-стримах в форме прямой трансляции (прямого эфира) в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет, сопряженной с публичной демонстрацией противоправных действий, создающих угрозу жизни или здоровью или ограничивающих физическую свободу человека, а равно аморальных действий, унижающих честь и достоинство личности или противоречащих общественной нравственности, либо с имитацией таких деяний, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за такое деяние, или имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного настоящей статьей, – наказываются...

2. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно из корыстных побуждений, – наказывается...

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи:

а) совершенное организованной группой;

б) повлекшие по неосторожности тяжкие последствия, – наказываются...

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П/2008 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

4. Финансирование, а равно оказание иной, в том числе интеллектуальной или технической, поддержки совершению треш-стримов, - наказывается...

Примечание

1. Треш-стримом в настоящей статье признается такая разновидность прямой трансляции (прямого эфира), в которой публично демонстрируются противоправные или аморальные действия, явно противоречащие общественной нравственности.

2. Действие настоящей статьи не распространяется на произведения науки, литературы, искусства, имеющие научную, историческую, художественную или культурную ценность, материалы зарегистрированных средств массовой информации, а также на фото-, видеоматериалы, предназначенные для использования в научных или медицинских целях, либо изучение которых предусматривается федеральными государственными образовательными стандартами и федеральными образовательными программами.

Включение таких деяний, как треш-стримы, в качестве квалифицирующего признака в конкретные составы преступлений, как это предлагается авторами законопроекта и некоторыми учеными,

при принятии законодательного решения о дополнении УК РФ сконструированной нами новой самостоятельной статьей станет избыточным, поскольку в случае совершения лицом умышленного преступления в процессе проведения треш-стрима содеянное будет квалифицировано по совокупности (по соответствующей части новой статьи 242.3 и норме, устанавливающей ответственность за конкретно совершенное преступление), и соответственно, наказание будет назначаться по правилам, предусмотренным ст. 69 УК РФ, то есть автоматически оно может быть более строгим (особенно при применении судом правил «полного сложения» или «частичного сложения» назначенных за каждое из совершенных преступлений наказаний).

В целях обеспечения межотраслевого согласования нового уголовно-правового запрета с соответствующими нормами административного законодательства целесообразно внести изменения в ст. 13.15 КоАП РФ, включив в нее новый п. 12 в редакции, аналогичной той, которая предложена нами для ч. 1 ст. 242.3 УК РФ, а не в том виде, как это изложено в анализируемом законопроекте. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жевлакович С.С., Чижова Д.Д. Предупреждение девиантного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 83-88.
2. Нифталиева И.А. Криминализация и декриминализация деяний как одно из направлений реализации принципа справедливости // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 64-65.
3. Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 3-10.
4. Гарбатович Д.А. Непреступные уголовно-правовые деяния и дефекты криминализации // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 28-33.
5. Курляндский В.И. Уголовная политика: дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 77-95.
6. Моховиков В.В. Общее понятие и значение законодательной техники // Символ науки. 2023. № 10-1. С. 103-105.
7. Лопашенко Н.А. Уголовная политика: Монография. М., 2009. 579 с.
8. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в части усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств: проблемы и перспективы // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции. СПб: Астерион, 2023. С. 110-115.
9. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин и др.; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев: Монография. М., 1982. 303 с.
10. Агузаров Т.К., Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): Монография. М., 2018. 332 с.
11. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.
12. Берестовой А.Н., Сысолина Н.С. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети Интернет // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 85-93.
13. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202-210.
14. Жаров К.А. Треш-стримы: уголовно-правовые аспекты // Современный ученый. 2023. № 6. С. 298-303.
15. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90-91.

REFERENCES

1. Zhevlakovich S.S., Chizhova D.D. Preduprezhdeniye deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh, produtsiruyemogo kontentom seti Internet // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. 2023. № 1. S. 83-88.
2. Niftaliyeva I.A. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyaniy kak odno iz napravleniy realizatsii printsipa spravedlivosti // Yevraziyskaya advokatura. 2023. № 5 (64). S. 64-65.

3. Kudryavtsev V.N. Kriminalizatsiya: optimal'nyye modeli // Ugolovnoye pravo v bor'be s prestupnost'yu. M., 1981. S. 3-10.
4. Garbatovich D.A. Neprestupnyye ugovolno-pravovyye deyaniya i defekty kriminalizatsii // Rossiyskaya yustitsiya. 2023. № 2. S. 28-33.
5. Kurlyandskiy V.I. Ugolovnaya politika: differentsiatsiya i individualizatsiya ugovolnoy otvetstvennosti // Osnovnyye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. M., 1975. S. 77-95.
6. Mokhovikov V.V. Obshcheye ponyatiye i znachenije zakonodatel'noy tekhniki // Simvol nauki. 2023. № 10-1. S. 103-105.
7. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika: Monografiya. M., 2009. 579 s.
8. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v chasti usileniya zashchity nesovershennoletnikh ot prestupnykh posyagatel'stv: problemy i perspektivy // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: Sbornik statey po materialam X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: Asterion, 2023. S. 110-115.
9. Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta: Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya / V.N. Kudryavtsev, P.S. Dagal', G.A. Zlobin i dr.; otv. red. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev: Monografiya. M., 1982. 303 s.
10. Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V., Chuchayev A.I. Ugolovno-pravovyye problemy okhrany vlasti (istoriya i sovremennost'): Monografiya. M., 2018. 332 s.
11. Naumov A.V. Konkretizatsiya Konstitutsionnym sudom printsipa zakonnosti Ugolovnogo kodeksa RF // Ugolovnoye pravo. 2018. № 1. S. 88-94.
12. Berestovoy A.N., Sysolina N.S. Voprosy kriminalizatsii deviantnogo povedeniya v seti Internet // Filosofiya prava. 2023. № 3 (106). S. 85-93.
13. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Tresh-strim: sotsial'naya obuslovlennost' kriminalizatsii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2021. T. 16. № 6. S. 202-210.
14. Zharov K.A. Tresh-strimy: ugovolno-pravovyye aspekty // Sovremennyy uchenyy. 2023. № 6. S. 298-303.
15. Polunina Ye.N., Antonova A.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za «tresh-strim» v Internetе // Zakon i pravo. 2021. № 3. S. 90-91.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Сенцов А.С., Волколупова В.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сенцов А.С., Волколупова В.В. Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 22-29.